

Пэн Цзэфэн засучил рукава и сам занялся макияжем для Сюй Юаня.

Он потратил семь часов, прорабатывая каждую деталь, каждую прядь волос. После его работы лицо Сюй Юаня выглядело точно так же, как при жизни.

Разве они не договорились, что тот станет его приёмным сыном? Он ещё даже не успел несколько раз назвать его отцом, а тот уже ушёл... Пэн Цзэфэн чувствовал себя обиженным, впервые по-настоящему обиженным, ведь он впервые так сильно ждал исполнения обещания.

Похороны Сюй Юаня он организовал сам — в отличие от родителей, он мог спокойно со всем справиться.

Он тихо стоял перед гробом, и никто не знал, что скорбь внутри него уже давно вышла из берегов.

Он понимал: Сюй Юань так естественно занимался обычными делами перед смертью потому, что для него самоубийство было просто ещё одним пунктом в списке. Закончить все повседневные дела, а потом уйти — что в этом такого?

Пэн Цзэфэну стало трудно дышать. Гроб давил на сердце, как тяжёлый камень, причиняя невыносимую боль.

То, что Сюй Юань принимал так легко, для него было нестерпимо горько и несправедливо. Это был его первый пациент, с которым он провёл так много времени, первый, к кому он привязался. Чаще он видел в нём не пациента, а просто человека, встреченного в жизни.

Огромная разница в их восприятии угнетала Пэн Цзэфэна.

Если бы они чувствовали одинаково, смог бы он его вылечить? Увидел бы он противоречие между потребностью Сюй Юаня во «зле» и реальностью? Тогда, возможно, тот не покончил бы с собой...

Сердце ныло.

Пэн Цзэфэн ещё немного постоял у гроба, потом развернулся и вышел.

Он решил уехать в безлюдный горный район.

Мозг автоматически начал перебирать вещи Сюй Юаня, оставшиеся у него. Многиегодились бы для выживания в дикой местности: средства от насекомых и хищников, препараты для улучшения состава почвы...

Он не понимал, как может оставаться в трезвом уме после трёх дней без еды, но знал: если продолжится так, он просто рухнет. Поэтому нужно было поесть.

Ноги сами принесли его в то самое заведение, где они были впервые. Он зашёл, заказал те же блюда.

Но, откусив всего пару раз, почувствовал тошноту, бросился в туалет и вырвал.

Вернулся за стол, снова начал есть — и снова вырвал. Будто издеваясь над собой, он доел всё до конца, а потом так же полностью вернул обратно в туалете.

Псих, — усмехнулся про себя Пэн Цзэфэн.

Он расплатился и вышел, понурый.

Хозяйка, принимавшая деньги, смотрела ему вслед с жалостью. Видела, как он бегал туда-сюда, но почти ничего не съел. Хотела утешить, но не знала, как подступиться. Чёрная траурная лента на его строгом костюме останавливала любые слова.

Иногда утешение лишь усугубляет боль.

Она вздохнула и вернулась к другим гостям.

На улице Пэн Цзэфэн не знал, куда идти. Он поел — теперь, выходит, нужно принять душ и лечь спать?

Мимо него прошёл пьяный, шатаясь, небритый, похожий на маньяка.

Пэн Цзэфэн вдруг захотел выпить. Он никогда не был пьян и не знал, правда ли в этом состоянии ничего не чувствуешь. Если да — тогда, может, и уснёт.

Он пролистал контакты и позвонил Вэй Цяньняню:

— Цяньнянь, выйдешь со мной выпить? Если не хочешь пить — просто не дай мне уснуть на улице.

— Хорошо. Где встречаемся? — сердце Вэй Цяньняня ёкнуло. Что могло заставить Цзэфэна искать утешения в вине?

— XGSUW. Я уже здесь.

— Эй, ты уже там?! Хоть позвонил-то... — Вэй Цяньняню было и смешно, и досадно. А вдруг он не смог бы прийти? Что бы Цзэфэн делал пьяный в одиночестве?

— Конечно, нужно оставить путь к отступлению. Безрассудство — это самоубийство.

— Буду через двадцать. Не хлещи слишком быстро, — предупредил Вэй Цяньнянь.

— Ага, — Пэн Цзэфэн аккуратно расставил пустые бутылки, чтобы официанту было удобнее убрать.

Он сидел в углу, спокойно выпивая одну рюмку за другой. Ничто, кроме скорости, не выдавало в нём человека, который хочет забыться. Лицо оставалось бесстрастным, осанка прямой — разительный контраст с окружающими, которые краснели, плакали и кричали.

Подходившие мужчины и женщины уходили ни с чем. Ни откровенный флирт, ни искреннее сочувствие, ни простое желание составить компанию не встречали ответа.

Он не общался ни с кем, не хотел общаться даже с самим собой — внутри поднимались лишь волны скорби и боли.

Неужели и он способен на такие сильные чувства?

Всего-то потерял человека, с которым прожил несколько месяцев. Почему так невыносимо?

Пэн Цзэфэн пил, не морщась.

Официант убрал пустые бутылки.

Он продолжал пить, когда зазвонил телефон.

— Алло?

— Я на месте. Где ты? — Вэй Цяньнянь шагнул в бар.

— Иди направо, — Пэн Цзэфэн поднялся.

— Вижу тебя, — Вэй Цяньнянь отключился.

— Фэн, что случилось? — Вэй Цяньнянь отодвинул стул и сел.

— Он сказал, что будет ждать и вернётся ко мне.

— Кто?

— Он знал, что я психотерапевт. Но хотел со мной играть, поэтому притворялся, что ничего не понимает, и соглашался на лечение.

Пациент? — догадался про себя Вэй Цяньнянь, но вслух не произнёс.

— Но, Цяньнянь, я не смог его вылечить, — в глазах Пэн Цзэфэна были красные прожилки, всё лицо искажилось от горя.

— Это не твоя вина, — ни один врач не всемогущ.

Вэй Цяньнянь протянул руку, чтобы отнять у Пэн Цзэфэна рюмку — тот пил слишком быстро.

— Это потому, что я не вылечил его, он и умер! Цяньнянь, Сюй Юань покончил с собой, потому что не мог сдерживать желание убивать! — В глазах Пэн Цзэфэна читались растерянность и беспомощность, словно он умолял о прощении.

Вэй Цяньнянь убрал руку. Тебя никто не винит, Фэн. Люди сложны. Нельзя вылечить каждую болезнь души. Не терзай себя, это не твоя вина.

Пэн Цзэфэн ткнул пальцем в грудь, слёзы текли по лицу:

— Больно. — Он осушил ещё одну рюмку. — Очень больно.

Не зная, как утешить, Вэй Цяньнянь молча долил ему. Он понимал, что некоторые мысли лучше оставить при себе.

— Если бы он не заставлял себя быть хорошим, он бы не умер, — голос Пэн Цзэфэна задрожал на слове «хорошим».

Плач — человеческое чувство. Но Пэн Цзэфэн казался механизмом: слёзы текли будто по программе, не имея к нему прямого отношения.

— Не говори так! — рявкнул Вэй Цяньнянь, но сразу же сбавил тон:

— Он вернётся. Разве он не обещал?

— Вернётся? Как? В каком обличье? — Пэн Цзэфэн повторял слово «вернётся».

Вэй Цяньянь хотел сказать, что сам вернулся из другого времени, но случай Сюй Юаня был иным. Боялся давать ложную надежду.

— Цяньянь, есть ли загробная жизнь? Веришь?

— Верю.

— А я нет. Трёхлетний ты и восьмидесятилетний ты — уже не один человек. Что уж говорить о следующей жизни? Не говори, что если он помнит прошлые жизни, то он — тот же самый. Дай мне время, и я скопирую память одного человека в сознание другого. Но мы оба знаем — это будет не он.

— Фэн...

— Цяньянь, мне не следовало об этом думать. Моя картина мира не должна шататься. — Пэн Цзэфэн вдруг вспомнил одного недавнего «пациента». Тот утверждал, что пришёл отблагодарить за доброту: в прошлой жизни ему дали одну тарелку еды.

Пока этот долг не вернёшь — не станешь бессмертным.

Поэтому его благодетель привёл его в клинику и заплатил триста тысяч за лечение человека, который, возможно, и не был психически болен.

Я спросил: «Ты знаешь, что я психотерапевт? Твой благодетель считает тебя больным, поэтому и привёл».

Он ответил: «Я не ожидал, что он решит, будто я не в себе».

Ты говоришь, пришёл вернуть долг за одну тарелку еды, но теперь он заплатил за твоё лечение. Разве долг не стал больше?

<http://bllate.org/book/16276/1465363>